

УНА ХАРТ

ТРОЛЛИЙ
ПИК

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х22

Разработка серийного оформления и иллюстрация
на переплете *Елены Окольциной*

Харт, Уна.

Х22 Троллий пик / Уна Харт. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-108279-6

Люди не исчезают из самолетов — это невозможно. Так думала и шестнадцатилетняя Грейс, пока ее мать не пропала, когда летела домой.

У Грейс нет ни отца, ни братьев, ни сестер. Но неожиданно появляется Вивиан, сестра матери, готовая взять девочку к себе. Вот только почему она живет в уединенном доме в лесу и никогда не приглашает гостей? Зачем на окнах железные решетки, в гардеробной гора красных туфель и куда тетка исчезает по ночам?

Запертые двери, которые нужно открыть. Таинственные создания, которых предстоит встретить. Волшебные загадки, которые придется решить...

Грейс готова на все, чтобы найти мать. Но готова ли она узнать правду о своей семье?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Харт У., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-108279-6

Посвящается **Я.** —
моему первому читателю,
редактору и вдохновителю.
Спасибо за то, что всегда на моей стороне.
И **К.**, которая громче всех за меня радовалась.

ГЛАВА I

Грейс прижималась лбом к иллюминатору, рассматривая снежинки. Если бы не то, что каким-то чудом они оказались внутри стекла, они были бы самыми обычными. Здесь все было почти таким же, как на земле, только располагалось на десять тысяч метров выше.

Грейс постукала ногтем по стеклу. Снежинки никуда не делись. Далеко внизу плыла белая бугристая равнина облаков.

Интересно, если закрыть глаза, можно исчезнуть?

Она осторожно опустила веки. Стало темно, снежинки и иллюминатор пропали, но мир вокруг остался на месте. Мерно шумели турбины, пресно пахло омлетом — пассажиры только что позавтракали, — а от парня, сидевшего у прохода, слышался легкий сандаловый запах парфюма.

Люди не растворяются в воздухе даже в тысячах метров над землей. Почти никогда.

— Мне нужно в туалет, — сказала Грейс.

Мисс Соул вздохнула, но ничего не сказала. Она должна была сопровождать Грейс ровно до того момента, пока не сплавит ее новой опекунке. За прошедшие четыре недели столько людей крутилось вокруг, что Грейс была даже рада, когда суета наконец закончилась.

Она, конечно, предпочла бы остаться в собственном доме, даже если пришлось бы жить там одной, но ей объяснили, что это невозможно.

Соуработница дотронулась до плеча соседа. Тот спал, но проснулся тут же. Из-за шума двигателя Грейс не слышала, что мисс Соул ему сказала, но парень поспешно кивнул и встал, давая им выйти.

Табло над дверью светилося зеленым, значит, туалет свободен. Грейс заходила сюда уже в третий раз. Должно быть, мисс Соул решила, что у нее понос. На самом деле Грейс нужно было убедиться, что человек не может сбежать из кабинки. Она уже несколько раз проделывала этот ритуал: смывала воду и заглядывала в дыру слива, поднимала крышку мусорного контейнера, обшаривала углы... Люди не исчезают просто так, ведь правда? Не обнаружив ничего нового, Грейс умылась холодной водой и в последний раз взглянула в зеркало.

Она где-то читала, что несчастья меняют человека. Если ты пережил горе, лицо осунется и побледнеет, щеки впадут, а под глазами образуются темные круги. Но зеркало говорило обратное. Что-то вроде: «Ты — здоровая девица, которая любит поесть, ненавидит причесываться, никогда не носит розовое, обожает талисманы и дешевые колечки с блошиных рынков, кусает губы и грызет ногти».

Еще раз осмотрев туалет и убедившись, что вывалиться наружу через слив невозможно, она вернулась на свое место. Стюардессы развозили чай и кофе, медленно двигая тележки между рядами кресел. Мисс Соул на месте не оказалось. Парень у прохода снова поднялся, пропуская Грейс.

— Твоя мама тоже отошла в туалет, — предупредил он и улыбнулся.

В иной ситуации Грейс поболтала бы с соседом или предложила ему сыграть партию в маджонг на телефоне, чтобы скоротать время в полете. Но сейчас она растерялась, и первое, что пришло в голову, прозвучало почти враждебно:

— Она мне не мама.

— Для подружки тоже старовата, — ответил парень.

Это совершенно его не касалось. Он просто искал повода познакомиться, но Грейс разозлилась. В последнее время ее многое выводило из себя. Несколько раз она даже срывалась и кричала на людей, которые хотели помочь: на полицейских, соотрабтников и один раз даже на психолога, а ведь он просто предложил ей сесть. Все говорили, что это из-за потери, но Грейс знала, что причина в другом.

Она злилась на мать. Злилась, что та исчезла, что позволила себя похитить или убить, что не вырвала зубами свою свободу, не смогла вернуться к дочери.

Чужак, который лез в ее дела, имел все шансы нарваться. Он выглядел лет на двадцать и, надо признать, был красавчиком. Темные, слегка растрепанные волосы закрывали кончики ушей — обычно парни опасаются, что длинные волосы придадут им женственности, но этот не боялся. Глаза темно-синего, почти черного цвета смотрели отстраненно, будто сквозь тебя. Неуютный взгляд и одновременно завораживающий. Черные джинсы и водолазка с высоким мягким воротником — отличный выбор для самолета.

— Она из социальной службы.

Голос звучал странно, словно за Грейс говорил кто другой. Ей не хотелось вступать в разговор, но надо было что-нибудь ответить. Она тут же испугалась, что

парень решит, будто она из семьи алкоголиков или наркоманов. Это было так неприятно, что Грейс быстро добавила:

— Моя мать пропала без вести.

Она никогда не произносила эту фразу целиком. Сто раз слышала ее по телевизору, читала в заголовках новостей, но никогда не говорила вслух. Словно рухнул последний барьер, отделявший ее от прежней жизни.

— Мне очень жаль, — нахмурился парень.

Он явно рассчитывал на легкий флирт, поняла Грейс. Ничего серьезного. Кто же знал, что она зажмет его в тиски своих неприятностей?

— Твоя мама пропала во Фьельби? Там, куда мы направляемся?

— Нет. — Грейс взяла со столика пластиковый стаканчик с водой и сделала большой глоток, чтобы успокоить нервы. — Она исчезла из летящего самолета.

Хотелось крикнуть ему в лицо: «Поэтому и говорят «пропала», кретин, раз никто не знает, где она! Исчезла, потерялась, сгинула!» Грейс сделала глубокий вдох и разжала пальцы. Стакан треснул, и его стенки сошлись изнутри, а она и не заметила.

Парень вдруг оживился:

— Так это о ней сейчас пишут на всех сайтах? Лора Берг, которая растворилась в воздухе?

Это прозвучало до отвращения восторженно. Грейс прекрасно знала, что ее мать стала всемирной диковинкой. Над ее таинственной пропажей ломали головы и следователи, и интернет-пользователи.

Сначала Грейс сутками мониторила соцсети, боясь упустить любую зацепку. То и дело появлялись сообщения, будто Лору видели в разных концах страны, но все

без толку — ни одно не подтвердилось. Мамин «Фейсбук» тоже не давал никаких подсказок, только сыпались бесконечные комментарии к последней записи: «Лора, мы тебя ждем», «Лора, мы верим, что ты жива»... Словно все думали, что Лора прочитает и лайкнет каждый комментарий по отдельности, как она всегда поступала. Сама Грейс давно перестала лайкать. Эти люди стали ее раздражать. Сколько бы они ни писали, сколько бы ни заверяли, что не теряют надежды, на самом деле они просто обновляли страницу и жили дальше.

Грейс прикрыла глаза и услышала голос матери: «Гри-Гри, я в самолете. Место в последнем ряду, представляешь, как не повезло?» Грейс тогда как раз вернулась из школы и стояла перед входной дверью, копясь в сумке в поисках ключей. Телефон пришлось зажимать плечом, и он постоянно норовил выскочить.

«Это те, где спинка не откидывается? Стремно». — «Не то слово, — согласилась Лора и добавила уже веселее: — Зато соседей нет. Растянусь на все три сиденья и буду дрыхнуть весь полет!»

Грейс не знала, удалось ли матери поспать. Она, как и следователи, знала одно: ее мать, загорелая и поджарая, с мальчишеской фигурой и короткой стрижкой, поднялась на борт в Гоа и не покидала его, пока самолет не взлетел. Но в аэропорту прибытия Лора так и не появилась. Собственно, она не появилась нигде. Осталась только сумка, с которой она ездила отдыхать. Грейс ее не отдали, сказали, что сумка может быть уликой. Мисс Соул как-то проболталась, что мать везла кучу ракушек. Грейс обожала ракушки. Раньше. Теперь она смотреть на них не могла.

— Тебя отправляют в приют или к отцу? — как ни в чем не бывало поинтересовался красавчик-сосед. Да уж, подумала Грейс, деликатности ему не занимать... Впрочем, почему не ответить? Что это изменит?

— У меня нет отца. Точнее, он где-то есть, просто я его не интересую.

Сотню раз Грейс представляла, что социальные службы нашли отца и отправляют ее к нему. Эта мысль была одновременно пугающей и привлекательной. Грейс воображала то гениального художника, налегающего на спиртное, то миллионера с собственным особняком и штатом прислуги, то простого обывателя с женой и тремя детьми.

— Я еду к тетке, — неохотно призналась она. — Поживу там, пока мать не найдут.

Вернулась мисс Соул и уселась на свое место. Разговаривать стало неудобно. Грейс опять схватилась за журнал. Она уже пролистала его от корки до корки, но заняться больше было нечем: книгу она не взяла, ноутбук разрядился, и даже музыку на телефоне нельзя было послушать — на борту этого самолета Интернета не было.

Больше всего на свете ей хотелось запереться в ванной и просидеть там часа два, слушая, как шумит вода, разбиваясь о ступни. Грейс часто опускала ноги в горячую воду, сидя на бортике ванны. Это ее успокаивало. Не хотелось ни о чем думать, ни о чем беспокоиться... Просто замереть на секунду, как человек, который подбросил монетку и ждет, какой стороной она упадет.

Грейс устала задавать себе одни и те же вопросы по кругу.

Первый: «Где мама?»

И второй: «Почему я раньше не слышала, что у нее есть сестра?»

ГЛАВА II

Когда самолет упруго качнулся при посадке и на огромной скорости покатил вперед по полосе, Грейс поняла, что не хочет выходить. На секунду она представила себе, как в зале ожидания увидит маму, которая просто решила ее разыграть. Это было бы похоже на Лору — она обожала приколы. Но что-то шутка слишком затянулась.

Едва капитан поздравил пассажиров с удачным приземлением, мисс Соул вскочила. Грейс достала из-под кресла сумку с ноутбуком и собиралась попрощаться с попутчиком, но очередь двинулась к выходу, и пришлось поспешить. Рукава, соединяющего самолет с аэропортом, здесь не оказалось. Пришлось спускаться по трапу прямо на летное поле, где ждал автобус. Грейс не успела надеть шапку и застегнуться, так что резкий ледяной ветер швырнул ей волосы в лицо. Декабрь в этих краях был стылым и суровым, как и обещал прогноз погоды.

Городишко Фьельби был так мал, что ему хватало всего одного аэропорта. Грейс уже была здесь с мамой, когда они прилетали на похороны бабушки. Бабушкин дом был в соседнем городишке под названием Ландсби, примерно в часе езды. Но в тот раз за ними сразу при-

ехала такси, и Грейс не успела разглядеть Фьельби как следует.

Судя по первому впечатлению, даже одного аэропорта было многовато. Грейс ожидала увидеть море людей в зале выдачи багажа, но обнаружила только ряд пустых стульев, скрепленных между собой, как в школьном актовом зале. Динамик объявил о прибытии самолета и замолчал. Похоже, никаких других рейсов в этот день не предвиделось. Багажной ленты тоже не было: вместо этого через дверь в дальней стене въехала тележка. Двое рабочих в синих комбинезонах выгрузили с нее чемоданы прямо на пол. Свой чемодан Грейс увидела не сразу — он спрятался за двумя массивными сумками, гитарой в чехле и упакованными в пленку лыжами.

Где-то за стеклянной перегородкой ждала незнакомая родственница. Грейс заранее знала, как все будет. С тех пор как мама пропала, и знакомые, и чужаки вели себя одинаково. Все бормотали слова сочувствия, смотрели жалостливо и растерянно, но в глубине их взглядов всегда крылась неприязнь. Никому не нравится, когда люди исчезают без вести, а их родные остаются немым укором человеческой беспомощности. «Смотрите, — словно говорила им Грейс, — кто-то, кого вы любите, тоже может пропасть бесследно, и вы никогда не узнаете, что случилось!»

А еще сочувствующие всегда норовят тебя обнять. Грейс это ненавидела. Давным-давно, когда она еще была пухлой малышкой и желающих потрогать ее было намного больше, мама всегда говорила прямо: «Грейс не нравится, когда к ней прикасаются незнакомые люди. Пожалуйста, сначала спросите разрешения. Спасибо». Мама всегда без запинки произносила эту речь. Гово-

рила не грубо, но очень убедительно, не улыбалась, не кокетничала и не извинялась.

Грейс попыталась представить, как ее будет обнимать тетка. Может, даже расплачется или, хуже того, назовет «бедной крошкой». Грейс понятия не имела, как тетка выглядит и ведет себя. Может, она многодетная мать, делает по утрам блинчики с джемом и носит передник. А может, она религиозная сектантка или работает менеджером по продажам. Точно можно сказать одно: она совсем не такая, какой была мама... Но Грейс тут же одернула себя за это мерзкое «была», которое то и дело вкрадывалось в ее мысли, словно крысы в кладовку.

— Пойдем, — поторопила ее созработница, — мисс Берг ждет у выхода.

Других пассажиров вокруг не осталось. Грейс и мисс Соул последними вышли через стеклянную дверь в крохотный зал ожидания, где ожидающая была только одна. Женщина стояла, прислонившись спиной к колонне и отвернув голову от прохода, так что ее лицо было видно в профиль. И по этому профилю Грейс поняла, что тетка совершенно не похожа ни на ее мать, ни на домашнюю «пухляшку», которую она успела вообразить.

Вивиан Берг была высокая, тонкокостная и очень прямая, будто проглотила стержень. Грейс назвала бы ее красивой: высокие скулы, четкая линия подбородка, нос прямой и острый. Волосы у тетки были такого же светло-соломенного цвета, как у матери, только, в отличие от Лоры, длинные. Вивиан убирала их в свободный пучок. На ней были серые брюки и короткое черное пальто. А еще — круглые очки, совсем как у Гарри Пот-

тера, если не считать того, что в них были темные зеркальные стекла.

Когда они с мисс Соул подошли, женщина обернулась. Грейс увидела отражение в стеклах очков — две крошечные фигурки, окольцованные серебристой оправой.

— Мисс Берг? — спросила мисс Соул и улыбнулась милой профессиональной улыбкой.

Вивиан не сняла очки. Улыбка, которой она ответила собеседнице, была дежурная и невыразительная, как электрическая лампочка.

— Да.

Предполагалось, что она скажет что-нибудь еще, сделает шаг навстречу, протянет руку для пожатия. Но Вивиан стояла в той же позе, не выражая никакого желания сократить дистанцию.

— А вот и Грейс, — сказала мисс Соул, подталкивая девушку вперед. Будь Грейс младше, созработница поправила бы на ней куртку и вытерла влажной салфеткой грязь со щеки.

На Грейс устались черные очки-зеркала. Они качнулись: непонятно было, тетка кивнула или окинула племянницу взглядом с головы до ног.

— Мне нужно подписать какие-нибудь документы? — только и спросила Вивиан.

— Нет, вы ведь все прислали в электронном виде... Если что-то понадобится, мы позвоним.

— Отлично, — коротко кивнула Вивиан. — Тогда мне пора. — Она помолчала, а затем неохотно поправилась: — *Нам* пора.

По тому, как прозвучало это «нам», Грейс оконча-

тельно убедилась: никаких блинчиков с джемом в ближайшем будущем не предвидится.

Торопливо попрощавшись, мисс Соул покинула их: ей нужно было пройти регистрацию на обратный рейс. Оставшись наедине с племянницей, Вивиан не спросила, как та долетела, не посочувствовала, не стала заверять, что все будет хорошо, — словом, не сказала ничего из того, что ожидала услышать Грейс. Она лишь сухо кивнула в сторону выхода:

— Парковка там.

Чемодан Грейс был хоть и на колесиках, но большой и тяжелый. В дополнение к нему шли сумка с ноутбуком и рюкзак с дорожными мелочами. У Вивиан была только маленькая сумочка на ремешке через плечо, но она даже не подумала предложить помощь, поэтому Грейс волокла все сама.

На парковке было всего три машины. Грейс двинулась к той, что справа, изящной, небольшой, светло-салатового цвета. Но приветственный сигнал раздался слева. Обернувшись, Грейс увидела, как Вивиан открывает дверь массивного черного джипа, такого же самодовольного и блестящего, как ее зеркальные очки.

Лоре бы это не понравилось. Лора ездила только на общественном транспорте или на велосипеде и считала, что иметь личный автомобиль — безответственно. Тем более такой огромный, который наверняка выбрасывает в атмосферу целые тонны углекислого газа... Но Лоры здесь не было.

Грейс с трудом взгромоздила чемодан в багажник и туда же бросила рюкзак. Поколебавшись, она выбрала заднее сиденье. Обычно водители туда сваливают все, что забывают выбросить или донести до дома, но у Ви-

виан нигде ничего не валялось, как если бы она взяла машину напрокат. Автомобиль может многое рассказать о своем владельце: четки на зеркале подскажут вероисповедание, а детское кресло красноречиво намекнет, что дома ждет малыш. Но в машине Вивиан не было ни единой личной вещи, ни пятнышка на обивке, ни даже бутылки воды в кармане сиденья. Ничего, что могло бы дать Грейс подсказку.

С тех пор как они сели в машину, Вивиан не проронила ни слова, если не считать «пристегнись». Грейс надеялась, что тетка включит музыку, но та и не подумала, так что ехать пришлось в гнетущей тишине. Аэропорт остался позади, вокруг тянулась унылая промзона, одинаковая во всех городах цивилизованного мира. Вдалеке виднелись громадные бетонные цилиндры, из которых валял пар. Наверное, это был какой-нибудь завод.

Украдкой Грейс рассматривала Вивиан в зеркальце заднего вида. На удивление, даже в машине тетка не сняла очки. Она вообще видит через них дорогу? Рука, лежавшая на руле, была ухоженной, с аккуратным маникюром, на безымянном пальце — массивное кольцо с зеленым камнем.

— Мне жаль, что приходится вас утруждать, тетя Вивиан, — сказала Грейс, чтобы нарушить молчание. И тут же разозлилась на себя, так жалко это прозвучало, словно в сентиментальной книжке о бедной сиротке. «Никогда не извиняйся, если ты по-настоящему не виновата», — говорила Лора.

— Просто Вивиан, — сухо поправила женщина за рулем. — Называй меня по имени. Я впервые тебя вижу, и до этого дня племянницы у меня не было.

«Да, — подумала Грейс, — а у меня не было тетки, и я бы неплохо прожила без нее».

— Нам далеко до города?

— Нет, — ответила Вивиан.

Беседа определенно не клеилась. Грейс отвернулась и стала смотреть в окно. Промзона наконец закончилась, и пейзаж стал живописнее. Слева круто уходил вверх скалистый склон, поросший лесом. Только на самом верху деревья не росли, и заснеженная лысая макушка казалась одинокой и суровой. Дорога петляла вдоль склона, и казалось, что гора гонится за машиной, то вздымаясь почти до облаков, то скатываясь вниз.

Потом гора отступила, шоссе вильнуло вправо, и по обеим сторонам вдруг стали выныривать дома. Мелькнула автозаправка, с другой стороны зазывно сверкнула вывеска супермаркета. Чуть дальше у края дороги стоял желтый школьный автобус, в него садились дети в разноцветных куртках, с рюкзаками за спиной. Грейс рассматривала их пестрые шапки и остро завидовала. Сейчас эти дети вернутся домой, вечером за ужином будут болтать с родителями...

— В этой школе я буду учиться? — спросила она, чтобы отвлечься.

Вивиан коротко кивнула:

— Да, здесь нет других. Но в социальной службе сказали, что у тебя психологическая травма, так что стоит вернуться к урокам чуть позже.

«В социальной службе сказали»? А что, это не очевидно? На самом деле Грейс меньше всего хотелось идти в новую школу. Придется объяснять, почему она живет с теткой, а не с родителями, снова отвечать на набившие оскомину вопросы: «Да ты что! Твоя мама — та самая,

что пропала из самолета?», «Ты уверена, что она жива?», «А где твой отец?».

— Тебе нужно прийти в себя после потери матери, — холодно продолжала опекунша. — Но я бы на твоём месте не затягивала и вернулась к учебе сразу после рождественских каникул.

Грейс неприятно резануло слово «потеря».

— Мама не умерла, — жестко ответила она.

— По статистике, большинство пропавших без вести на самом деле мертвы, — ответила Вивиан так спокойно, словно оглашала прогноз погоды по радио.

Грейс почувствовала, что сейчас взорвется. Но не потому, что тетка даже не пыталась щадить ее чувства, а потому, что она говорила правду. Грейс и сама знала статистику: девять из десяти пропавших однажды находят где-нибудь в лесу, в безымянной могиле, на дне реки или расчлененными на свалке, когда тело уже успело разложиться. «Я не могу представить маму мертвой», — подумала она, но мозг тут же подкинул нужный образ. Он был таким ярким, как если бы Грейс и вправду видела это: посеревшую, будто искусственную кожу, опавшее лицо, абсолютно неподвижные веки.

«Полтора месяца назад ты была на похоронах бабушки, — сказал внутренний голос. — Отсюда и образ. Никакой связи. Ты не телепат, а предчувствий не бывает. Просто готовишься к худшему».

— Тело не нашли, — сказала она вслух. — Пока не доказано обратное, она жива.

«По крайней мере, официально так будет считаться еще семь лет». У Грейс всегда была идеальная память. Иногда это помогало, в другой раз хотелось хорошенько тряхнуть головой, чтобы оттуда вывалилось все лишнее.